

Валентина Полухина:

«Я, конечно, была влюблена в Бродского»

С Валентиной Полухиной — литературоведом и специалистом по творчеству Иосифа Бродского, я встретился в Лондоне у нее дома. Она показывала книги, редкие фотографии, библиотечный ящик с многочисленными интервью о Бродском, мы говорили об их первой встрече, влюбленности, метафорах и тропах в творчестве поэта, о последней встрече...

Сейчас Валентина по 10 часов в день составляет опись архива и готовит его к отправке в музей Бродского (С-Пб).

Валентина, расскажите, пожалуйста, как вы познакомились с Бродским?

Я познакомилась с Бродским в 1977-м году в Лондоне. Это было на квартире у Куперманов. Он знаменитый художник, его жена, Людмила Куперман, была модельером и знала Бродского ещё по России. Она позвонила мне и сказала: «Валентина, сегодня на ужин придет Бродский. Если хочешь, присоединяйся к нам». И я пришла к ней, они жили в Хэмстеде.

И вот входит Иосиф. И это было нечто, просто явление! Я только позже поняла, что такое гений. Гений — это энергия, которую он излучает на окружающих, как будто облучает тебя, и ты попадаешь в эту сферу, совершенно не владея собой. И я это почувствовав, села у его ног. Он вскочил, чтобы подать мне стул, а я сказала: «Иосиф Александрович, я настаиваю на своем праве сидеть у ваших ног» — и сравнила его с Пушкиным. Он сурово на меня посмотрел и сказал: «Валентина, имейте в виду, на меня такие комплименты не действуют. Если вы действительно так считаете — докажите». Перчатка была брошена. После этой встречи, вернувшись в университет, я решила — чем я занимаюсь? Восстанавливаю свою скучную диссертацию по экспериментальной фонетике?

Простите, чтобы было понятно, я должна чуть-чуть отступить. Когда я выезжала из Советского Союза, у меня отняли мою диссертацию. Поскольку речь в ней шла об экспериментальной фонетике, там были осциллограммы, я не знала, что это запретная вещь. Приехала в Англию и два года была временным ассистентом преподавателя русского языка. У меня не было постоянного места, я работала 10 месяцев, 2 месяца мне зарплату не платили, потом опять назначили. А в 1975 году я получила постоянное место и решила зарегистрироваться в аспирантуре, чтобы восстановить свою диссертацию. Я зарегистрировалась в Эдинбурге, потому что там работал профессор, книжки которого я читала. Это было так скучно и утомительно — восстанавливать уже написанное, но, тем не менее, я старалась.

Бродского я читала еще в России, в «Самиздате», но приехав в Англию в 73-м, я решила, что надо мне почитать настоящего Бродского. Уже было издано два сборника его стихов в Америке: «Стихотворения и поэмы» и «Остановка в пустыне». И в нашей библиотеке эти сборники были. До этого моим любимым поэтом была Цветаева, все остальные казались мне второстепенными. Я прочитала все стихи Бродского, по-прежнему на меня его юношеские стихи не произвели впечатления, но чем дальше, тем это было интересней.

И вот после этой встречи у Куперманов я поняла, что буду заниматься Бродским! И я ушла из Эдинбурга и, зарегистрировавшись в аспирантуре Keele University, Staffordshire, стала заниматься Бродским. Поскольку я больше лингвист чем филолог, я решила, что буду изучать структуру его тропов, потому что это нечто лингвистическое и здесь легко доказать, что грамматическая структура имеет определенные семантические функции, которые выводят тебя выше на концептуальный уровень.

Валентина Полухина и Иосиф Бродский, Килский университет, 1985 год

В 1980 году я получила очень приличный грант от British Academy, чтобы поехать в Америку на полгода и послушать, о чем Бродский говорит со своими студентами, каково его отношение к другим поэтам. Хотелось лучше его узнать. Иногда недостаточно текстов, нужно знать и личность поэта, его отношение к миру, к людям и так далее.

До поездки в Америку вы виделись еще раз с Бродским?

Встречались ещё несколько раз. Я бывала на его выступлениях. До встречи в Америке он приехал к нам в университет первый раз в 1978 году. Бродский пользовался очень большим успехом. Потом он приезжал ещё официально второй раз в 1985 году. А неофициально он приезжал несколько раз. И часто убегал от всех знакомых из Лондона— никто не знал, где он, никто не мог его найти, потому что его очень беспокоили знакомые-незнакомые. Он приезжал ко мне и просто жил два-три дня, и никто не знал, где он.

Он жил у вас в Киле?

Да, в Киле.

И ел пельмени.

(Смеется) И ел пельмени. Не только пельмени, для него мне приходилось готовить что-нибудь вкусненькое.

И я договорилась с ним, что, мол, Иосиф, приеду в Америку, можно будет посещать ваши лекции, семинары? Он согласился. И в 1980 году я приехала

в Мичиган. Иду по коридору, навстречу мне Иосиф, я радостно улыбаюсь, он проходит мимо, не видя меня. Тут во мне проснулась моя половина польской крови, чувствую, у меня вырастают когти, я сейчас брошусь на него и не знаю, что я с ним сделаю. Он почувствовал, оборачивается, целует меня в одну щечку, в другую: «Ну, где будем ужинать?»

Только позже я поняла в чём дело, почему он так себя ведет. Потому что одно дело в Англии. Я, конечно, была в него влюблена, я не могла этого скрывать. Мной руководило чувство, что я встретила не просто гения, чувство непонятное даже, оно неземное было и не эротическое. И другое дело в Америке: я приехала на шесть месяцев в его университет, и неизвестно, как будет себя вести эта влюблённая дама, она может его скомпрометировать. Поэтому он сразу же установил дистанцию. Я это поняла и дистанцию держала все шесть месяцев.

Я пять месяцев была в Мичигане и месяц в Нью-Йорке, где буквально ходила за ним по пятам, приходила в его квартиру на Мортон-стрит 44, где он жил. И он всегда говорил: «Валентина, приходите в любое время, дверь всегда открыта». Я говорила: «Иосиф, как может быть дверь открыта, если вы живете в центре Нью-Йорка? Это же так опасно!» Он говорил: «Ну посмотрите вокруг, что можно украсть в моей квартире?» Я говорю: «А книги?» Он: «Значит, тому, кто возьмёт мою книгу, она нужнее, чем мне» (*смеется*). Вот так вот состоялось мое знакомство и работа с Иосифом.

Вы сказали, что он потребовал доказательств сравнения с Пушкиным. Вы доказали?

Эти доказательства возникли чуть позже. Дело в том, что я написала свою докторскую диссертацию, и она состояла из трёх больших томов.

В первом томе собраны все тропы и метафоры и классифицированы в зависимости от их грамматической структуры: глагольные, прилагательные, *poun poun genitive*, *poun nominative* плюс *poun nominative* и так далее.

Во втором томе я сравнила структуру его метафор со структурой ещё десяти русских поэтов: от Кантемира до Ахматовой и Цветаевой. То есть, выбирала у них один тип метафор — *poun nominative* плюс *poun nominative* — «Время есть холод»; «Пространство — вещь. Время же в сущности, мысль о вещи». То есть «А есть В» — это очень новая метафора, и мне было интересно у кого ещё она встречается. Она часто встречалась у футуристов и у Цветаевой. То есть родство уже было установлено. Не предполагаемое, а почти научное, лингвистическое.

А третий том — описания, интерпретация метафор. Три тома диссертации.

На защите у меня было три внешних экзаменатора: профессор французской литературы из Эдинбурга, профессор английской литературы из Бристоля и мой профессор русской литературы. Я решила, что они меня потопят, потому что три литературы, три разных профессора. А они мне столько комплиментов наговорили! Профессор из Бристоля сказал: «Я консультант Cambridge University

Press, не хотите ли вы, Валентина, превратить свою докторскую в монографию и опубликовать в Cambridge University Press?» Я, конечно, с радостью согласилась и стала переделывать диссертацию в монографию.

Когда это все было сдано, в 1987 году Иосиф получает Нобелевскую премию. Тут все издательства захотели печатать Бродского. Моя книга, к сожалению, немного задержалась, потому что монографию нужно было посылать на анонимный отзыв, а один из профессоров русской литературы в Англии написал отрицательную рекомендацию.

Я тогда попросила редактора издательства, не называйте мне имя этого профессора, но пришлите, пожалуйста, его отзыв. Критика была глупейшая совершенно! Например, «Я любил тебя больше, чем ангелов и самого/ и поэтому дальше теперь от тебя, чем от них обоих». «Самого» я интерпретирую как самого Господа Бога. Этот профессор пишет «самого себя». Вот такие мелочи. Я им ответила на это, и монография вышла.

Потребовалось письменное разрешение самого Бродского на цитирование его стихов. Иосиф был в Лондоне. Я звоню:

— Иосиф, есть ручка и карандаш?

— Да, что вам надо?

— Пишите, я диктую. Я, Иосиф Бродский, разрешаю Валентине Полухиной цитировать мои стихи столько, сколько ей необходимо для её монографии о моем творчестве.

— Как называется книжка?

— Не скажу.

— Как называется книжка?! — рычит Иосиф.

— Joseph Brodsky: A Poet for Our Time

Я почти вижу его улыбку по телефону, потому что я украла название у самого Бродского. Так он назвал Вергилия, решив, что в четвёртой его эклоге было предсказание появления Иисуса Христа. И он назвал его «Поэт для нашего времени». Бродский для меня тоже был «Поэт для нашего времени».

Таким образом, книжка вышла с задержкой в 1989 году вместо 1987-го. И чтобы снять пафос этой книги, я посвятила её двум моим сиамским котам. Одного звали Лапушка, другого — Осинька. И получила за это расплату. Одна из петербургских исследователей Бродского в рецензии на мою книгу написала: «Валентина в таких близких отношениях с Бродским, что называет его Лапушка и Осинька». Встретив её позже на одной из конференций, я сказала: «Оля, мои коты посылают вам поклон и благодарность, что вы приняли их за Бродского».

Что касается Пушкина. Я себе представила, если бы при жизни Пушкина у кого-то был магнитофон, и человек бы опросил друзей и знакомых Пушкина о нём самом, что он за поэт, что он за человек, наверное, наше представление о Пушки-

не было бы несколько глубже, интереснее и противоречивее. Я решила, хорошо, Иосиф Александрович, я принимаю ваш вызов, сейчас такое сделаю с вами!

Я решила опросить поэтов сначала только русских, которые были чуть старше или чуть моложе Иосифа, его современников. Таким образом, вышел первый том «Бродский глазами современников». Он пользовался таким успехом, что мой издатель Яков Гордин в Петербурге сказал: «Валентина, давайте-давайте, делайте, продолжайте». Во второй том я включила иностранных поэтов и несколько подруг Иосифа. Позже я включила и родственников Иосифа и ещё дополнительно нескольких поэтов.

В общей сложности, я интервьюировала около 100 человек. Ездила в Америку, в Италию, во Францию, в Россию, электронной почты тогда не было. Взяла интервью у Нобелевских лауреатов: Чеслава Милоша, Дерека Уолкотта, Шеймаса Хини. Я взяла интервью даже у Джона Ле Карре, с которым Бродский обедал, когда объявили о Нобелевской премии, мне было интересно, как Бродский отреагировал на это объявление. Интервьюировала дочь Бродского от балерины Кузнецовой, взяла интервью у знаменитой Сьюзан Зонтаг — эссеиста, писателя и подруги Иосифа. И потом решила, что этого уже достаточно.

Было очень интересно слышать и критику в адрес Иосифа. И я обнаружила, что многие современники Бродского страдают «комплексом Бродского». Это, видимо, было неизбежно. Ему или подражали, или его отрицали, или царапали и кусали. Например, Лена Шварц, очень большой поэт в России, старалась все время найти что-то негативное. Я говорю: «Лена, у вас общие поэтические родители — Хлебников и Цветаева, почему вы не любите Бродского?» Она: «Ну, я не то что не люблю, но та-та-та...» Это было интересно. Иосифу я не послала ни одной из своих книг. Когда вышла первая монография «Joseph Brodsky. A Poet for Our Time», я сняла обложку и послала ему со словами «это все, что вам предлагается прочитать из 350 страниц».

То есть, книгу без обложки?

Нет, обложку без книги. Но уже гораздо позже, когда я познакомилась с его женой Марией, она сказала: «Да, я знаю вас. У Иосифа несколько книг ваших на полках». Не знаю, кто ему их дал, где он их взял. Я решила, что эти книги не для него, а для читателей Бродского, не для самого поэта.

Сколько времени потребовалось на эти многочисленные интервью?

Ну, первый том вышел еще при жизни Бродского. Я начала это делать, кажется, еще до Нобелевской премии, может быть, в 1985 году. А последние брала уже после смерти Бродского, так что это продолжалось несколько лет и в основном по настоянию моего издателя. Немножко это было и утомительно и дорого ездить по всему миру, в частности, в Америку. Но не все интервью включены в эти три тома. Некоторые были слабыми, многие опубликованы в журналах до появления в книгах.

Валентина Полухина с мужем Даниэлем Уайсбортом, профессором и переводчиком многих русских поэтов, включая Бродского

А сэр Исая Берлин, который очень хорошо известен в России благодаря Ахматовой, критически высказался о Бродском. Это меня удивило, потому что он был другом Бродского, он устроил ему почетную степень доктора в Оксфордском университете, и вдруг много негативного сказал о Бродском. Я помню, когда вышла из его квартиры на Пикадилли, я села на тротуар и почти заплакала, не понимая, в чем дело. И вдруг меня осенило — целый год в Оксфорде провёл Анатолий Найман, который был другом Иосифа, но очень ревниво к нему относился. И он любил рассказывать, как бы в шутку, что-то негативное об Иосифе. Видимо, под впечатлением этих бесед, у Исая сложилось критическое мнение. Я тут же написала Льву Лосеву и спросила: «Лёша, что нам делать?» Он собирал тогда сборник статей о Бродском. Лев Лосев — профессор одного из американских университетов и друг Бродского ещё с юности, очень хороший поэт и прекрасный ученый. Он единственный, кому разрешили опубликовать литературную биографию Бродского. И Лёша сказал: «Валентина, Исая Берлин отвечает сам за себя. Будем публиковать в том виде, в каком есть». Когда я потом встретила Исая Берлин, то сказала:

— Сэр Исая, вы очень огорчили многих поклонников Бродского тем, что вы наговорили.

— Ой, что я наделал.. та-та-та..

Тогда Диана Майерс взяла у него ещё одно интервью, и там всё было наоборот, всё было положительно.

Сколько же всего вы написали книг и статей?

(Смеётся). Если считать на обложках моё имя как редактора или составителя (я составила большую книгу интервью Бродского) плюс мои собственные книги, то в общей сложности их двадцать.

И я на этом поставила точку. Я помню, когда вышла последняя моя книжка два года назад «Словарь цвета поэзии Бродского», я встала перед его портретом и сказала: «Иосиф, я обещаю оставить вас в покое и больше о вас не писать».

Но тем не менее статьи после этого еще были?

Ну, это было неизбежно — интервью, рецензии, маленькие статьи. Недавно в «Российской газете» вышла моя заметка о том, как Быков несправедливо нападает на Бродского. Меня просто уговорили, зам главного редактора попросил очень: «Валентина, вы должны написать об этом». И мне пришлось написать.

Вы обсуждали с ним вопросы поэзии, литературы и его стихи?

Дело в том, что моя главная задача по отношению к Иосифу была хранить дистанцию и иметь возможность задавать ему вопросы. Он в этом отношении был очень добр, очень щедр, очень терпелив. Но я формулировала вопросы, когда действительно была в тупике и не могла на них ответить сама. Например, его приятельница Диана Майерс, узнав, что моя докторская и моя монография — о метафорах Бродского, иронически сказала: «Иосиф очищает свои стихи от метафор, а она, видите ли, целую докторскую диссертацию пишет о метафорах». Я возвращаюсь домой и тут же звоню Иосифу:

— Это правда, Иосиф Александрович, (когда мы с ним разговаривали на литературные темы, я его называла Иосиф Александрович), что вы очищаете своих стихи от метафор?

Иосиф гордо заявляет: «Валентина, не только от метафор, вообще от всех тропов».

Оказывается, он в это время был увлечен поэзией Константина Кавафиса, у которого очень аскетические стихи. И Иосифу хотелось свои стихи так же писать. Я сказала: «Иосиф Александрович, я должна вас очень огорчить, моя статистика показывает, что ваши тропы растут не в арифметической, а в геометрической прогрессии».

— Ну, знаете, за всем не уследишь. *(смеётся)*

Я, нагляя, продолжаю: «Хотите, я вам объясню, почему это происходит?»

— Ну, попробуйте.

— Чем настойчивее вы движетесь к метонимическому полюсу языка, то есть к языку прозы, удлиняя свои предложения до бесконечности, тем настойчивее стихотворение требует компенсации. Компенсировать это можно только одним — создав плотность стихотворения количеством тропов. Поэтому они неизбежны.

— Ну, пожалуй, вы правы.

Поэтому я очень благодарна Бродскому, что он терпеливо отвечал на мои вопросы. Я старалась не сильно утруждать его этим и действительно обращаться только в самых крайних случаях.

Чтобы узнать, как он относился к другим поэтам и к своему творчеству, мне было достаточно пяти месяцев его лекций и семинаров. Это был пир поэтов. У него была фотографическая память, он знал наизусть стихи любого поэта. Назовите Овидия, Гомера, Рильке, Фроста, Цветаеву — он вам тут же выдает какое-нибудь их стихотворение по памяти. Создавалось впечатление, что все эти поэты, которых он упоминает, собрались в этом зале, где он читает лекцию. Иногда мне казалось, Боже, на кого я ручку подняла! Мне второй и третьей жизни не хватит, чтобы прочитать всё, что он прочитал. Огромнейшая эрудиция!

Однажды он меня спросил: «Валентина, не правда ли, я неплохой преподаватель?» Я сказала: «Иосиф, преподаватель вы просто никакой!» Потому что, например, сегодня, разбирая Ахматову, он задавал студентам какое-то задание, а на следующий день приходит: «О чём мы говорили в прошлый раз? Об Ахматовой? Нет, давайте лучше поговорим о Рильке», (*смеется*). Так что как преподаватель он был никакой.

Но это было огромное удовольствие сидеть на его лекциях, и слушать, как он относится к другим поэтам, как он анализирует их стихи. Он, например, говорил: «Не надо бояться влияний. Если вы берете чью-то метафору, чью-то рифму, и отсылаете к этому поэту, вы приглашаете этого поэта в наше время, вы помните о нём, вы благодарны ему, вы заставляете людей читать этого поэта, поэтому берите, все, что вам нужно. Посмотрите на Александра Сергеевича, он крал справа, крал слева и всё делал своим».

А бывали случаи, когда он задавал вопросы вам? Интересовался вашим мнением о каком-то стихотворении?

Нет, такого не было. Может быть, однажды, когда я пришла к нему на день рождения 24 мая 80-го года в Нью-Йорке, и он показал мне только что написанное стихотворение «Я входил вместо дикого зверя в клетку». «Кажется, неплохой стишок. Что вы думаете?» Вот, я была одной из первых, кто читал это стихотворение в рукописи. И я сказала: «Это просто гениальное стихотворение!»

А так не было, чтобы он спрашивал моё мнение, у него были более авторитетные знакомые.

Кто именно?

Чеслав Милош (нобелевский лауреат), Дерек Уолкотт (его ближайший друг, нобелевский лауреат), Шеймас Хини (нобелевский лауреат), Марк Стрэнд, который был поэтом-лауреатом Соединённых штатов, и который предложил Бродского сделать поэтом-лауреатом Соединённых штатов. У него была Сьюзен

Зонтаг — критик, знаменитый эссеист и писатель, и масса других. В первые два года пребывания в Америке в 1973-74 гг они со своим переводчиком Джорджем Клайном выступили в 30 американских университетах. Представляете? То есть, они объездили всю Америку. Конечно, у него была масса знакомых. Был прекрасный Карл Проффер в Мичигане, заведующий кафедры, который, собственно говоря, его и вытащил в Америку, его жена, Эллендея — тоже профессор и специалист по русской литературе. Они создали издательство «Ардис», может, вы слышали? Они издавали русскую литературу, особенно ту, что была запрещена в Советском Союзе.

У него было много людей более авторитетных, чем я. Я была всего лишь аспиранткой.

Как Бродский относился к критическим статьям в свой адрес?

Они появились, увы, после смерти Бродского. При жизни, собственно, критических статей не было. Были критические статьи, скорее, о его личности, о его отношениях с тем же Евтушенко, Аксёновым и так далее, но не о его творчестве.

Чувствовал ли он себя светочем, исполнителем воли Божьей, Мессией, как угодно?

Это было, по-моему, изначально, потому что достаточно вспомнить суд над Бродским 1964 года, его обвиняли в тунеядстве. Следователь спрашивает его: «А кто вам сказал, что вы поэт? У вас есть какое-то подтверждение? Где вы учились на поэта?» Иосиф сказал: «Я не думаю, что этому можно научиться у кого-то». — «Тогда откуда же это?» Иосиф подумал и сказал: «Я полагаю, это от Бога».

Я уверена, что Иосиф верил в эту миссию, что она идет откуда-то сверху, от Бога. Иначе чем мы можем объяснить его рождественские стихи?

Но я также знаю от разных людей, что он был крещён ребенком. Когда они с мамой находились в Череповце в эвакуации, женщина, которая за ним ухаживала, его крестила без разрешения матери. Я думаю, что Иосиф об этом знал, потому что есть фотография (где-то она у меня есть), где он с крестом. Потом он снял крест, и когда его спрашивали о его вере, он говорил, что он то кальвинист, то буддист и так далее. Потом в одном интервью сказал: «Я плохой еврей, я плохой русский, я плохой христианин, но я приличный поэт». Не могу сказать о себе, что я плохая мусульманка, поскольку я никакая не мусульманка. Сказать о себе, что я плохой христианин может только христианин. Почитайте его прозу, он пишет в «Набережной неисцелимых»: «...раз Дух Божий носился над водой, вода должна была его отражать». Я спрашивала некоторых его друзей о вере Иосифа. Никто ничего не может точно сказать, настолько это личное дело. И сам Иосиф считал, что вера — это очень личное дело. Но он ссылался часто на Ахматову, что это она научила его прощать людям, что это она научила критически относиться

к себе. Сначала нужно себя спросить, никого не винить. Он не винил государство, он не винил КГБ, он никого не винил, за то что его арестовали, потом сослали на север. Он говорил: «Я это заслужил. Надо винить самого себя, надо спросить себя — я сегодня солгал? Я сегодня кого-то обидел? Я к кому-то был несправедлив?» То есть, это чисто такое христианское.

Так он говорил при вас?

Я его не смела на эту тему спрашивать, конечно. Но при мне он говорил, например, о том, откуда это все, что это — свыше. Жестом показывал. Это энергия. Это действительно энергия. Я считаю, что мне повезло, я встретила гения. Потому что я знаю, никто никогда не дал определение, что такое гений. Понимаете, это могут быть личные вкусы, мне нравится-не нравится, это неважно! Для меня гений — это энергия. Эту энергию он излучает, я на себе почувствовала.

Иосиф русский язык сделал метафорами Бога и метафорой России. И для меня он великий поэт. Я потому его сравнила с Пушкиным, что русский советский язык очень изменился по сравнению с языком Пушкина или даже Ахматовой, Пастернака. Политическая пропаганда со всех концов: газеты, журналы, радио, телевидение, — все были наполнены политической лексикой. Иосиф был в ссылке, был в психиатрической больнице, был арестован три или четыре раза, он знал сленг заключённых. В деревне Норинской он жил среди крестьян — он знал хорошо диалекты и язык фольклорный. Он участвовал в геологических экспедициях и прошёл Советский Союз с востока на запад, с запада на восток и с юга на север. Никто из поэтов не исколесил страну, как Иосиф. Никто из живущих поэтов не работал кочегаром, грузчиком, геологом, в морге и Бог знает где. Всё это он познал.

Однажды я его спросила: «Иосиф, вам не кажется, что русский советский язык очень болен?» На это Иосиф ответил: «Валентина, запомните, язык никогда не бывает болен. Язык — это такое огромное живое существо, которое всё в себя вбирает, переваривает, выбрасывает и так далее. Язык никогда не мог быть

Редкая фотография И.Бродского из архива В.Полухиной, предположительно 1960-е годы, Ленинград

создан человеком. Тот, кто дал нам язык, выше нас, больше нас». То есть, это явно, что язык для него — это буквально: «в начале было слово, и слово это было Бог».

Дальше — тоска по Родине. Все мы: уехавшие так рано из Советского Союза, знали, что есть тоска по Родине, и русский человек не может жить в другой стране. Иосиф сделал из языка метафору России, он служил русскому языку. Он говорил: «Пока существует русский язык, великая поэзия неизбежна».

Однажды, в первые месяцы его пребывания в Америке, он получил письмо от Чеслава Милоша, который писал ему: «Иосиф, если вам кажется, что теперь в эмиграции вы не можете писать стихи, и вы их бросите писать, такова ваша настоящая цена». Иосиф, конечно, это помнил, и несколько раз цитировал и говорил: «Что изменилось? Ничего не изменилось, у меня та же ручка, тот же карандаш, я всё так же пишу стихи, просто передвинулся из одной империи в другую. Я сменил империю».

Поэтому я думаю, что язык ему диктовал, язык — это Бог, язык — это и Родина, великая русская словесность и так далее. Это всё он тоже как-то перемешал и сделал метафорой.

Когда вы с ним виделись в последний раз?

Это было в Хельсинки в конце августа 1995 года за несколько месяцев до его смерти. В Хельсинки он выступал вместе с Шеймасом Хини, было интервью, много поэтов приехало. И был приём у одной знакомой, которая попросила меня: «Валентина, пригласите Бродского». И был поэт Виктор Кривулин из Петербурга. Он тоже: «Валентина, пригласите Бродского». Я сказала: «Виктор, одно дело, я приглашу, другое дело вы. Вот вам его телефон, и вы его пригласите. Лично вы». Он позвонил, Иосиф действительно приехал.

Но было интересно, что русская делегация его игнорировала, почти не подходил никто к нему, кроме самого Кривулина, который сидел рядом. Позже я спрашивала их, почему? «Ну, вот потому что он отказался приехать в Россию, потому что он такой гордый...» Находились люди, которые помнили, что он отказался приехать в Россию. Это была наша последняя встреча, во время интервью я ему задала вопрос. Его обвиняли то в том, то в этом, и я спросила: «Иосиф, есть более серьезное обвинение: что вы теряете свою русскость». Он ответил: «Грош цена той русскости, которую можно потерять».

Как вы узнали о его смерти, как восприняли его уход?

Когда я узнала о его смерти, у меня полились слезы, и я плакала дня три неостановимо, просто плачу, плачу, плачу. Если кто-то упомянет Иосифа — я плачу. И мне снится сон: идёт навстречу Иосиф живой, я его обнимаю, а руки охватывают пустоту, никого нет. И я поняла, что он посылает мне знак: «Прекрати плакать! Ты мне мешаешь улететь с этой Земли, улететь выше». Я прекратила плакать.

Я не могла поехать на его похороны в Нью-Йорк, но я поехала на его 40-й день. Это была огромнейшая служба в соборе Св. Иоанна в Нью-Йорке, где собралось 3 тысячи человек. Были приглашены и Чеслав Милош, и Дерек Уолкотт и все, кого я упоминала, все великие поэты, Барышников, и вдова Мария. Я сидела рядом с профессором Дэвидом Бетеа, он тоже написал книгу о Бродском. И пока не началась служба, я рассматривала этот огромный красивый собор. Вдруг я увидела, под потолком передвигается свет, что-то такое странное. Я говорю: «Дэвид, что это такое? Почему свет передвигается?» Дэвид посмотрел: «О, Боже мой, он и там курит!», *(смеется)*.

Потом я также присутствовала на перезахоронении Бродского в 1997 году на кладбище Сан-Микеле в Венеции. Служба была в Михайловском соборе, и на самом кладбище все присутствовали. Там тоже произошло странное явление. Выкопали могилу Бродского у подножья могилы Эзры Паунд. Эзра Паунд прекрасный поэт, но антисемит. Мы все были очень грустны, что Бродскому придётся вечность лежать с Эзрой Паунд. Мы приехали немножко раньше и я подошла, посмотреть на могилу, насколько она глубока и так далее. Вдруг все забегали вокруг и сказали: «Нужно копать другую могилу в другом месте». В чём дело? Оказывается, там обнаружили кости. Но их не было там, когда я смотрела. Значит Иосиф подсунил, сказал: «Не буду я здесь лежать». И выкопали могилу чуть подальше от Эзры Паунд. Было такое странное явление.

Беседовал Борис Фабрикант, специально для журнала «Этажи»

Лондон, январь 2019

Фотографии из архива В.Полухиной

Валентина Полухина — российско-британский литературовед, специалист по творчеству Иосифа Бродского. Окончила Тульский педагогический институт, аспирантуру МГУ им.М.В.Ломоносова. В 1973 году эмигрировала из СССР в Великобританию. Работала в Кильском университете, защитила докторскую диссертацию, почётный профессор. Познакомилась с Бродским в Лондоне, с 1979 года публикует исследования и материалы, посвящённые его жизни и творчеству. Королевское литературное общество Великобритании наградило В.П.Полухину почётной медалью Бенсона, награждена российской медалью Пушкина (18.07.18). Опубликовала 20 книг и более 100 статей.

Борис Фабрикант родился во Львове. Окончил Политехнический институт, работал в НИИ. В 2014 году выехал в Англию. Публикации в изданиях «Эмигрантская Ли́ра», «Что есть Истина?», «Поэтоград», «45-параллель», «Литературные знакомства» и др. Выпустил книгу «Стихотворения». Первое место в номинации интернет-конкурса «Эмигрантская Ли́ра». Второе место на Всемирном фестивале «Эмигрантская Ли́ра-2018», второе место «Пушкин в Британии-2018».